

Л. Троцкий. ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Старая Испания

Цепь капитализма снова грозит разорваться на слабейшем звене: на очереди стоит Испания. Революционное движение развивается в этой стране с такой силой, которая заранее отнимает у реакции всего мира возможность верить в скорое наступление порядка на Пиренейском полуострове.

Испания принадлежит, бесспорно, к группе наиболее отсталых стран Европы. Но отсталость ее имеет особый характер, отягощенный великим историческим прошлым страны. В то время, как Россия царей всегда оставалась далеко позади своих западных соседей и медленно подвигалась вперед под их давлением, Испания знала периоды высокого расцвета, превосходства над остальной Европой и владычества над Южной Америкой. Мощное развитие торговли, внутренней и мировой, все более преодолевало феодальную разобщенность провинций и партикуляризм национальных частей страны. Рост силы и значения испанской монархии был в те столетия неразрывно связан с централизующей ролью торгового капитала и с постепенным формированием испанской нации.

Открытие Америки, которое сперва обогатило и подняло Испанию, направилось впоследствии против нее. Великие пути торговли отклонились от Пиренейского полуострова. Обогатившаяся Голландия отпала от Испании. Вслед за Голландией поднялась над Европой Англия, высоко и надолго. Уже начиная со второй половины 16-го столетия Испания приходит в упадок. Со времени разгрома Великой Армады (1588) упадок этот принимает так сказать официальный характер. Надвигается то состояние феодально-буржуазной Испании, которое Маркс назвал "бесславным и длительным гниением".

Старые и новые господствующие классы - земельное дворянство, католическое духовенство с их монархией, буржуазные классы с их интеллигенцией - упорно пытаются сохранять старые претензии, но, увы, без старых ресурсов. В 1820 году окончательно отделились южно-американские колонии. С потерей Кубы в 1898 году Испания почти совершенно лишилась колониальных владений. Авантюры в Марокко лишь разорвали страну, питая и без того глубокое недовольство народа.

Задержка экономического развития Испании неизбежно ослабляла централистические тенденции, заложенные в капитализме. Упадок торговой и промышленной жизни городов и экономических связей между ними неизбежно вел к уменьшению зависимости отдельных провинций друг от друга. Такова главная причина, почему буржуазной Испании до сего дня не удалось преодолеть центробежные тенденции своих исторических провинций. Скудость источников общенационального хозяйства и чувство недомогания во всех частях страны могли только питать сепаратистские тенденции. Партикуляризм выступает в Испании с особой силой, особенно рядом с соседней Францией, где Великая революция окончательно утвердила буржуазную нацию, единую и неделимую, над старыми феодальными провинциями.

Не позволяя сложиться новому буржуазному обществу, экономический застой разлагал также и старые господствующие классы. Гордые дворяне прикрывали нередко свое высокомерие дырявыми плащами. Церковь грабила крестьянство, но время от времени вынуждена была претерпевать грабеж со стороны монархии. Эта последняя, по замечанию Маркса, имела больше черт сходства с азиатской деспотией, чем с европейским абсолютизмом. Как понимать эту мысль? Сопоставление царизма с азиатской деспотией, делавшееся не раз, представляется гораздо более естественным, как географически, так и

исторически. Но и в отношении Испании это сопоставление сохраняет всю свою силу. Разница лишь та, что царизм складывался на основе крайне медленного развития как дворянства, так и примитивных городских центров. Испанская же монархия сложилась в условиях упадка страны и загнивания господствующих классов. Если европейский абсолютизм вообще мог подняться лишь благодаря борьбе крепнувших городов против старых привилегированных сословий, то испанская монархия, подобно русскому царизму, почерпала свою относительную силу в бессилии как старых сословий, так и городов. В этом ее несомненная близость с азиатской деспотией.

Преобладание центробежных тенденций над центростремительными в хозяйстве, как и в политике, подрывало почву под испанским парламентаризмом. Давление правительства на избирателей имело решающий характер: в течение последнего столетия выборы неизменно давали правительству большинство. Так как кортесы находились в зависимости от очередного министерства, то само министерство естественно попадало в зависимость от монархии. Мадрид делал выборы, а власть оказывалась в руках короля. Монархия была вдвойне необходима разобщенным и децентрализованным господствующим классам, неспособным править страной от собственного имени. И эта монархия, отражавшая слабость всего государства, была - между двумя переворотами - достаточно сильной, чтоб навязать свою волю стране. В общем государственную систему Испании можно назвать дегенеративным абсолютизмом, ограниченным периодическими пронунциаменто*1. Фигура Альфонса XIII очень хорошо выражает эту систему: и со стороны дегенеративности, и со стороны абсолютистских тенденций, и со стороны страха перед пронунциаменто. Лавирования короля, его измены, его вероломство и его победы над враждебными ему временными комбинациями коренятся вовсе не в характере самого Альфонса XIII, а в характере всей правительственной системы: в новых условиях Альфонс XIII повторяет бесславную историю своего прадеда, Фердинанда VII.

/*1 Военный заговор, военный переворот.

Наряду с монархией и в союзе с нею централизованную силу представляло еще духовенство. Католицизм до сего дня продолжает оставаться государственной религией, духовенство играет большую роль в жизни страны, являясь наиболее устойчивой осью реакции. Государство тратит ежегодно многие десятки миллионов песет на поддержку церкви. Религиозные ордена крайне многочисленны, владеют большими имуществами и еще большим влиянием. Число монахов и монахинь достигает 70 тысяч, равняясь числу учеников средней школы и в два с лишним раза превосходя число студентов. Не мудрено при таких условиях, если 45 процентов населения не умеет ни читать, ни писать. Главная масса безграмотных сосредоточена, разумеется, в деревне.

Если крестьянство в эпоху Карла V (Карлоса I) мало выигрывало от могущества испанской империи, то оно в дальнейшем несло на себе наиболее тяжкие последствия ее упадка. Оно влачило в течение столетий жалкое, во многих провинциях - голодное существование. Составляя и сейчас свыше 70 процентов населения, крестьянство поддерживает на своей спине главную тяжесть государственного здания. Недостаток земли, недостаток воды, высокая арендная плата, примитивное хозяйственное оборудование, первобытная обработка земли, высокие налоги, поборы церкви, высокие цены на промышленные товары, избыточное сельское население, большое число бродяг, нищих, монахов - такова картина испанской деревни.

Положение крестьянства издавна делало его участником многочисленных восстаний. Но эти кровавые взрывы шли не по общенациональным, а по локальным радиусам, окрашиваясь в самую разнообразную, чаще всего в реакционную краску. Как испанские революции в целом были малыми революциями, так крестьянские восстания принимали форму малой войны. Испания есть классическая страна "гверильи".

2. Испанская армия в политике

Со времени войны с Наполеоном в Испании создалась новая сила - политизирующее офицерство, младшее поколение господствующих классов, унаследовавшее от отцов разорение великой некогда империи и в значительной мере деклассированное. В стране партикуляризма и сепаратизма армия, по необходимости, получила крупнейшее значение, как централизованная сила. Она стала не только опорой монархии, но и проводником недовольства всех секций господствующих классов, и прежде всего собственного: как и бюрократия, офицерство вербуются из тех крайне многочисленных в Испании элементов, которые требуют от государства прежде всего средств к жизни. А так как аппетиты разных групп "образованного" общества далеко превосходят наличие государственных, парламентских и иных должностей, то недовольство остающихся за штатом питает республиканскую партию, столь же неустойчивую, как и все группировки в Испании. Но так как под этой неустойчивостью скрывается нередко подлинное и острое возмущение, то республиканское движение время от времени выделяет из себя решительные и смелые революционные группы, для которых республика является мистическим лозунгом спасения.

Общая численность испанской армии составляет около 170.000 человек, из них свыше 13 тысяч офицеров; сюда же надо прибавить полтора десятка тысяч военных моряков. Являясь орудием господствующих классов страны, командный состав вовлекает в свои заговоры низы армии. Это создает условия для самостоятельного движения солдат. Уже в прошлом унтер-офицеры вторгались в политику без офицеров и против офицеров. В 1836 году унтер-офицеры мадридского гарнизона, подняв восстание, заставили королеву обнародовать конституцию. В 1866 году недовольные аристократическими порядками в армии сержанты артиллерии подняли мятеж. Но все же руководящая роль оставалась в прошлом за офицерством. Солдаты шли за своими недовольными командирами, хотя недовольство солдат, политически беспомощное, питалось другими, более глубокими социальными источниками.

Противоречия в армии совпадают обычно с родами войск. Чем квалифицированнее род оружия, т.-е. чем большей он требует интеллигентности со стороны солдат и офицеров, тем восприимчивее он, вообще говоря, к революционным идеям. В то время, как кавалеристы тяготеют обычно к монархии, артиллеристы дают большой процент республиканцев. Неудивительно, что и легчики, новейший род оружия, оказались на стороне революции и внесли в нее элементы индивидуалистического авантюризма своей профессии. Решающее слово остается за пехотой.

История Испании есть история непрерывных революционных конвульсий. Пронунциаменто и дворцовые перевороты следуют один за другим. На протяжении 19-го и первой трети 20-го веков происходит непрерывная смена политических режимов и внутри каждого из них - калейдоскопическая смена министерств. Не находя достаточно устойчивой опоры ни в одном из имущих классов, - хотя все они в ней нуждались, - испанская монархия не раз попадала в зависимость от собственной армии. Но провинциальная разрозненность Испании налагала свою печать на характер военных заговоров. Мелкое соперничество хунт было лишь внешним выражением того, что испанские революции не имели руководящего класса. Именно поэтому монархия неизменно торжествовала над каждой новой революцией. Однако, через некоторое время после торжества порядка хронический кризис снова прорывался острым возмущением. Ни один из этих опрокидывавших друг друга режимов не запускал плуг глубоко в почву. Каждый из них быстро изнашивался в борьбе с затруднениями, которые вырастают из скудости общенационального дохода при непомерности аппетитов и претензий господствующих классов. Мы видели, в частности, как позорно закончила свои дни последняя военная диктатура. Грозный Примо-де-Ривера пал даже без нового пронунциаменто: из него просто вышел воздух, как из шины, напоравшейся на гвоздь.

Все прошлые испанские перевороты были движением меньшинства против меньшинства: господствующие и полугосподствующие классы нетерпеливо рвали друг у друга из рук

государственный пирог.

Если под перманентной революцией понимать нарастание социальных переворотов, передающих власть в руки наиболее решительного класса, который затем применяет ее для упразднения всех классов, а следовательно, и самой возможности новых революций, то придется констатировать, что несмотря на "непрерывность" испанских переворотов, в них нет ничего похожего на перманентную революцию: это скорее хронические конвульсии, в которых находит свое выражение застарелая болезнь отброшенной назад нации.

Правда, левое крыло буржуазии, особенно в лице молодой интеллигенции, уже давно ставило своей задачей превращение Испании в республику. Испанское студенчество, которое в силу тех же общих причин, что и офицерство, вербовалось преимущественно из недовольной молодежи, привыкло играть в стране роль, совершенно непропорциональную его численности. Господство католической реакции разжигало оппозицию университетов, придавая ей антиклерикальный характер. Однако, не студенчество создает режим. На своих руководящих верхах испанские республиканцы отличаются крайне консервативной социальной программой: они видят свой идеал в нынешней реакционной Франции, считая, что вместе с республикой к ним придет богатство, и отнюдь не собираются, да и не способны, шествовать путем французских якобинцев: их страх перед массами сильнее, чем их вражда к монархии.

Если щели и поры буржуазного общества заполнены в Испании деклассированными элементами господствующих классов, многочисленными искателями должностей и доходов, то внизу, в щелях фундамента, такое же место занимают многочисленные люмпен-пролетарии, деклассированные элементы трудящихся классов. Лаццарони в галстуках, как и лаццарони в отрепьях представляют собою сыпучие пески общества. Они тем опаснее для революции, чем менее она сама нашла свою подлинную двигательную опору и свое политическое руководство.

Шесть лет диктатуры Примо-де-Ривера придавили к земле и спрессовали все виды недовольства и возмущения. Но диктатура несла в себе неизлечимый порок испанской монархии: сильная по отношению к каждому из раздробленных классов, она оставалась бессильна по отношению к историческим нуждам страны. Это привело к тому, что диктатура разбилась о подводные рифы финансовых и иных затруднений прежде, чем ее успела настичь первая революционная волна. Падение Примо-де-Ривера пробудило все виды недовольства и все надежды. Так генерал Беренгер оказался привратником революции.

3. Испанский пролетариат и новая революция

В этой новой революции мы на первый взгляд встречаем те же элементы, что и в ряде прежних: вероломную монархию; раздробленные фракции консерваторов и либералов, ненавидящих короля и ползающих перед ним на брюхе; правых республиканцев, всегда готовых предать, и левых республиканцев, всегда готовых на авантюру; офицеров-заговорщиков из которых одни хотят республики, а другие - повышения по должности; недовольных студентов, на которых отцы смотрят с тревогой; наконец, стачечников-рабочих, разбитых между разными организациями, и крестьян, протягивающих руки к вилам и даже к ружью.

Было бы, однако, величайшей ошибкой, полагать, что нынешний кризис развернется по образу и подобию всех предшествующих. Последние десятилетия, особенно же годы мировой войны, внесли значительные изменения в экономику страны и в социальную структуру нации. Конечно, и сейчас еще Испания остается в хвосте Европы. Но в стране все же развилась своя собственная промышленность, с одной стороны добывающая, с другой - легкая. За время войны сильно выросла угольная промышленность, текстильная,

постройка гидроэлектрических станций и пр. Индустриальные центры и районы поднялись над страной. Это создает новое соотношение сил и открывает новые перспективы.

Успехи индустриализации отнюдь не смягчили внутренних противоречий. Наоборот, то обстоятельство, что промышленность Испании, как нейтральной страны, поднялась под золотым дождем войны, превратилось к концу войны, когда повышенный заграничный спрос исчез, в источник новых затруднений. Не только исчезли внешние рынки, - доля Испании в мировой торговле сейчас даже ниже, чем была до мировой войны (1,1 процента против 1,2 процента), - но диктатуре пришлось, при помощи самой высокой в Европе таможенной стены, защищать внутренний рынок от наплыва иностранных товаров. Высокие пошлины вели к высоким ценам, которые подрывали и без того низкую покупательную способность народа. Промышленность после войны не выходит поэтому из состояния недомогания, которое выражается хронической безработицей, с одной стороны, острыми всплесками классовой борьбы, с другой.

Испанская буржуазия ныне еще меньше, чем в 19-ом столетии, может претендовать на ту историческую роль, которую сыграла некогда британская или французская буржуазия. Явившись слишком поздно, зависимая от иностранного капитала, впившаяся, как вампир, в тело народа, крупная промышленная буржуазия Испании не способна даже на короткий срок выступить вождем "нации" против старых сословий. Магнаты испанской промышленности враждебно противостоят народу, составляя одну из самых реакционных групп в разьедаемом внутренней враждою блоке банкиров, промышленников, владельцев латифундий, монархии, ее генералов и чиновников. Достаточно сослаться на тот факт, что важнейшей опорой диктатуры Примо-де-Ривера являлись фабриканты Каталонии.

Но промышленное развитие подняло на ноги и укрепило пролетариат. На 23 миллиона населения - оно было бы значительно больше, если б не эмиграция - надо считать около полутора миллионов промышленных, торговых и транспортных рабочих. К ним надо прибавить такую же примерно цифру сельскохозяйственных рабочих. Общественная жизнь Испании оставалась осужденной вращаться в порочном кругу до тех пор, пока не было класса, способного взять разрешение революционных проблем в свои руки. Выступление на историческую арену испанского пролетариата в корне меняет обстановку и открывает новые перспективы. Чтоб отдать себе в этом необходимый отчет, нужно прежде всего понять, что утверждение экономического господства крупной буржуазии и рост политического значения пролетариата окончательно лишили мелкую буржуазию возможности занимать руководящее место в политической жизни страны. Вопрос о том, могут ли нынешние революционные потрясения привести к подлинной революции, способной перестроить самые основы национального существования, сводится, следовательно, к вопросу о том, способен ли испанский пролетариат взять в свои руки руководство национальной жизнью. Другого претендента на эту роль в составе испанской нации нет. Тем временем исторический опыт России успел достаточно наглядно показать нам удельный вес пролетариата, объединенного крупной промышленностью, в стране с отсталым земледелием, опутанным сетями полуфеодальных отношений.

Правда, испанские рабочие уже принимали боевое участие в революциях 19-го столетия; но всегда на поводу у буржуазии, всегда на втором плане, в качестве вспомогательной силы. Самостоятельная революционная роль рабочих крепнет в течение первой четверти 20-го века. Восстание в Барселоне в 1909 году показало, какие силы заложены в молодом пролетариате Каталонии. Многочисленные стачки, переходившие в прямые восстания, возникали и в других частях страны. В 1912 году развернулась стачка железнодорожных рабочих. Промышленные районы стали территорией смелых пролетарских боев. Испанские рабочие обнаружили полную свободу от рутинности, способность быстро откликаться на события и мобилизовать свои ряды, смелость в наступлении.

Первые послевоенные годы, вернее, первые годы после русской революции (1917-1920) были для испанского пролетариата годами больших боев. 1917 год был свидетелем всеобщей революционной стачки. Ее поражение, как и поражение ряда последующих затем движений, подготовило условия для диктатуры Примо-де-Ривера. Когда крушение последней снова поставило в полном объеме вопрос о дальнейшей судьбе испанского народа; когда трусливые происки старых клик и бессильные потуги мелкобуржуазных радикалов ясно показали, что с этой стороны спасения ждать нельзя, рабочие рядом смелых стачечных выступлений крикнули народу: мы здесь!

"Левые" европейские буржуазные журналисты с претензиями на научность, а вслед за ними и социал-демократы философствуют на ту тему, что Испания собирается попросту воспроизвести Великую французскую революцию, с запозданием почти на полтора столетия. Объясняться с этими людьми о революции - то же, что спорить со слепым о красках. При всей своей отсталости Испания далеко ушла от Франции конца 18-го столетия. Крупные промышленные предприятия, 16.000 километров железных дорог, 50.000 километров телеграфа представляют собою более важный фактор революции, чем исторические воспоминания.

Пытаясь сделать шаг вперед, известный английский еженедельник "Экономист" говорит относительно испанских событий: "Здесь действует скорее влияние Парижа 48-го и 71-го года, чем влияние Москвы 1917 года". Но Париж 71-го года есть шаг от 48-го года к 1917 году. Противопоставление поэтому лишено содержания.

Несравненно серьезнее и глубже писал L. Tarquin в "Ля Лютт де Клясс" в прошлом году: "Пролетариат (Испании), опирающийся на крестьянские массы, является единственной силой, способной взять в руки власть". Перспектива рисуется при этом так: "Революция должна привести к диктатуре пролетариата, которая выполнила бы буржуазную революцию и смело открыла бы дорогу социалистическому преобразованию". Так и только так можно ставить ныне вопрос!

4. Программа революции

Официальным лозунгом борьбы является сейчас республика. Между тем развитие революции будет толкать не только консервативные и либеральные, но и республиканские секции господствующих классов под знамя монархии. Во время революционных событий 1854 года Кановас Дель-Кастильо писал: "Мы добиваемся сохранения трона, но без камарильи, которая позорит его". Сейчас эту великую мысль развивают господа Романонес и др. Как будто монархия вообще возможна без камарильи, тем более в Испании!.. Не исключено, правда, такое сочетание обстоятельств, при котором имущие классы могут оказаться вынуждены принести в жертву монархию, чтоб спасти себя (пример: Германия!). Однако, вполне возможно, что мадридская монархия, хоть и с синяками под глазами, продержится до диктатуры пролетариата.

Лозунг республики является, разумеется, также и лозунгом пролетариата. Но для него дело идет не об одной лишь замене короля президентом, а о радикальной чистке всего общества от феодального мусора. Здесь на первое место выступает аграрный вопрос.

Отношения испанской деревни дают картину полуфеодальной эксплуатации. Нищета крестьян, особенно в Андалузии и Кастилии, гнет помещиков, властей и кациков*1 не раз уже толкали сельских рабочих и крестьянскую бедноту на путь открытого возмущения. Значит ли это, однако, что в Испании можно, хотя бы путем революции, очистить буржуазные отношения от феодальных? Нет, это только значит, что в условиях Испании капитализм может эксплуатировать крестьянство не иначе, как в полуфеодальной форме. Направить оружие революции против пережитков испанского средневековья значит

направить его против самых корней буржуазного господства.

/*1 Неофициальные повелители отдельных районов страны.

Чтоб вырвать крестьянство из локализма и реакционных влияний, пролетариату нужна ясная революционно-демократическая программа. Недостаток земли и воды, арендная кабала ставят ребром вопрос о конфискации частно-владельческих земель в пользу крестьянской бедноты. Тяжесть фиска, непосильный государственный долг, бюрократическое хищничество и африканские авантюры ставят вопрос о дешевом правительстве, которое может быть обеспечено не владельцами латифундий, не банкирами и промышленниками, не титулованными либералами, а самими трудящимися.

Господство духовенства и богатства церкви выдвигают демократическую задачу: отделить церковь от государства и разоружить ее, передав ее богатства народу. Даже и наиболее суеверные слои крестьянства поддержат эти решительные меры, когда убедятся, что бюджетные суммы, шедшие до сих пор на церковь, как и богатства самой церкви, попадут, в результате секуляризации, не в карманы свободомыслящих либералов, а пойдут на оплодотворение истощенного крестьянского хозяйства.

Сепаратистские тенденции ставят перед революцией демократическую задачу национального самоопределения. Эти тенденции, по внешности, обострились за период диктатуры. Но в то время, как "сепаратизм" каталонской буржуазии есть только орудие в ее игре с мадридским правительством против каталонского и испанского народа, сепаратизм рабочих и крестьян есть оболочка их социального возмущения. Между этими двумя видами сепаратизма надо строго различать. Однако, именно для того, чтоб отделить национально-угнетенных рабочих и крестьян от их буржуазии, пролетарский авангард должен занять в вопросе национального самоопределения самую смелую и искреннюю позицию. Рабочие будут полностью и целиком отстаивать право каталанцев и басков жить самостоятельной государственной жизнью, в случае, если б большинство этих национальностей высказалось за полное отделение. Но это не значит, конечно, что передовые рабочие будут толкать каталанцев и басков на путь обособления. Наоборот, экономическое единство страны при широкой автономии национальных областей представляло бы для рабочих и крестьян большие преимущества с точки зрения хозяйства и культуры.

Попытка монархии предотвратить дальнейшее развитие революции при помощи новой военной диктатуры отнюдь не исключена. Но что исключено, так это серьезный и длительный успех подобной попытки. Урок Примо-де-Ривера еще слишком свеж. Цепи новой диктатуры пришлось бы накладывать на язвы, еще не зажившие после старой. Насколько можно судить по телеграммам, король не прочь был бы попробовать; он нервно ищет подходящего кандидата, но не находит охотников. Ясно одно: срыв новой военной диктатуры не дешево обошелся бы монархии и ее живому носителю, а революция получила бы новый мощный толчок. "Faites vos jeux, messieurs!" могут сказать рабочие по адресу верхов.

Можно ли ждать, что испанская революция перешагнет через период парламентаризма? Теоретически это не исключено. Можно представить себе, что революционное движение в сравнительно короткий срок достигнет такого могущества, которое не оставит господствующим классам ни времени, ни места для парламентаризма. Однако, такая перспектива все же мало вероятна. У испанского пролетариата, несмотря на его первоклассные боевые качества, нет пока еще ни признанной революционной партии, ни навыков советской организации. В немногочисленных коммунистических рядах нет, к тому же, единства. Нет ясной и признанной всеми программы действия. Между тем вопрос о кортесах уже стоит в порядке дня. В этих условиях приходится предположить, что революции придется пройти через стадию парламентаризма.

Это вовсе не исключает тактики бойкота по отношению к фиктивным кортесам Беренгера, как русские рабочие с успехом бойкотировали думу Булыгина в 1905 году и довели до ее срыва. Частный тактический вопрос о бойкоте должен решаться на основе соотношения сил на данном этапе революции. Но даже бойкотируя кортесы Беренгера, передовые рабочие должны были бы противопоставить им лозунг революционных учредительных кортесов. Мы должны беспощадно разоблачать шарлатанский характер лозунга учредительных кортесов в устах "левой" буржуазии, которая на самом деле хочет соглашательских кортесов, милостью короля и Беренгера, для сделки со старыми правящими и привилегированными кликами. Действительное Учредительное Собрание может быть созвано только революционным правительством, в результате победоносного восстания рабочих, солдат и крестьян. Мы можем и должны противопоставлять революционные кортесы соглашательским кортесам; но было бы, на наш взгляд, неправильно на данной стадии отказываться от лозунга революционных кортесов.

Противопоставлять курс на диктатуру пролетариата задачам и лозунгам революционной демократии (республика, земельный переворот, отделение церкви от государства, конфискация церковных имуществ, национальное самоопределение, революционное учредительное собрание) было бы самым жалким и безжизненным доктринерством. Прежде, чем народные массы могут завоевать власть, они должны объединиться вокруг руководящей пролетарской партии. Борьба за демократическое представительство, как и участие в кортесах на том или другом этапе революции, могут оказать незаменимое содействие при разрешении этой задачи.

Лозунг вооружения рабочих и крестьян (создание рабочей и крестьянской милиции) должен неизбежно получать в борьбе все большее значение. Но на данном этапе и этот лозунг должен быть тесно связан с вопросами защиты рабочих и крестьянских организаций, земельного переворота, обеспечения свободных выборов и ограждения народа от реакционных пронунацианто.

Радикальная программа социального законодательства, в частности страхование безработных; перенесение налоговых тягот на имущие классы; всеобщее бесплатное обучение - все эти и им подобные меры, которые сами по себе еще не выходят из рамок буржуазного общества, должны быть написаны на знамени пролетарской партии.

Наряду с этим должны, однако, уже сейчас выдвигаться требования переходного характера: национализация железных дорог, которые в Испании являются сплошь частными; национализация земных недр; национализация банков; рабочий контроль над промышленностью; наконец, государственное регулирование хозяйства. Все эти требования связаны с переходом от буржуазного режима к пролетарскому, готовят этот переход, чтобы затем, после национализации банков и промышленности, раствориться в системе мероприятий планового хозяйства, подготовляющего социалистическое общество.

Только педанты могут видеть противоречие в сочетании демократических лозунгов с переходными и чисто-социалистическими. Такого рода комбинированная программа, отражающая противоречивое строение исторического общества, с неизбежностью вытекает из разнородности задач, оставшихся в наследство от прошлого. Привести все противоречия и задачи к одному знаменателю: диктатуре пролетариата - это необходимая операция, но совершенно недостаточная. Даже, если забежать вперед и допустить, будто пролетарский авангард уже уяснил себе, что только диктатура пролетариата может спасти Испанию от дальнейшего загнивания, остается во всей своей силе подготовительная задача: сплотить вокруг авангарда неоднородные слои рабочего класса и еще более разнородные массы трудящихся деревни. Противопоставить голый лозунг диктатуры пролетариата исторически обусловленным задачам, которые толкают сейчас массы на путь восстания, значило бы подменить марксово понимание социальной революции бакунинским. Это было бы вернейшим способом погубить революцию.

Незачем говорить, что демократические лозунги ни в каком случае не имеют своей задачей сближение пролетариата с республиканской буржуазией. Наоборот, они создают почву для победоносной борьбы против буржуазной левой, позволяя обнаруживать на каждом шагу ее антидемократический характер. Чем смелее, решительнее и беспощаднее пролетарский авангард будет бороться за демократические лозунги, тем скорее он овладеет массами и вырвет почву из-под ног у буржуазных республиканцев и социалистических реформистов, тем вернее лучшие их элементы примкнут к нам, тем скорее демократическая республика отождествится в сознании масс с рабочей республикой.

Чтоб правильно понятая теоретическая формула превратилась в живой исторический факт, надо эту формулу провести через сознание масс на основе их опыта, их нужд, их потребностей. Для этого нужно, не разбрасываясь на детали, не рассеивая внимания масс, свести программу революции к небольшому числу ясных и простых лозунгов и сменять их в зависимости от динамики борьбы. В этом и состоит революционная политика.

5. Коммунизм, анархо-синдикализм, социал-демократия

Как полагается, руководство Коминтерна начало с того, что проглядело испанские события. Мануильский, "вождь" латинских стран, еще совсем недавно объявлял испанские события не заслуживающими внимания. Еще бы! Эти люди провозглашали в 1928 году во Франции канун пролетарского переворота. После того, как они столь долго украшали своей свадебной музыкой похороны, они не могли не встретить свадьбу похоронным маршем. Поступить иначе значило бы для них изменить себе. Когда оказалось, тем не менее, что события в Испании, не предусмотренные календарем "третьего периода", продолжают развиваться, вожди Коминтерна просто замолчали: это во всяком случае осторожнее. Но декабрьские события сделали дальнейшее молчание невозможным. Опять-таки, в строгом соответствии с традицией, вождь латинских стран описал над собственной головой дугу в 180°: мы имеем в виду статью в "Правде", от 17 декабря.

Диктатура Беренгера, как и диктатура Примо-де-Ривера, объявляются в этой статье "фашистским режимом". Муссолини, Матеоти, Примо-де-Ривера, Макдональд, Чан-Кай-Ши, Беренгер, Дан - все это разновидности фашизма. Раз есть готовое слово, к чему размышлять? Остается, для полноты, включить в этот ряд еще "фашистский" режим абиссинского негуса. Об испанском пролетариате "Правда" сообщает, что он не только "все быстрее усваивает программу и лозунги испанской компартии", но что он уже "осознал свою роль гегемона в революции". Одновременно официальные телеграммы из Парижа повествуют о крестьянских советах в Испании. Известно, что под сталинским руководством советскую систему усваивают и осуществляют прежде всего крестьяне (Китай!). Если пролетариат уже "осознал свою роль гегемона", а крестьяне начали строить советы, и все это под руководством официальной компартии, то победу испанской революции надо считать обеспеченной, - по крайней мере, до того момента, как мадридские "исполнители" будут обвинены Сталиным и Мануильским в неправильном применении генеральной линии, которая на страницах "Правды" снова выступает пред нами, как генеральное невежество и генеральное легкомыслие. Развратив себя своей собственной политикой до мозга костей, эти "вожди" уже ничему не способны учиться!

На самом деле, несмотря на мощный размах борьбы, субъективные факторы революции - партия, организации масс, лозунги - чрезвычайно отстают от задач движения, - и в этом отставании состоит сегодня главная опасность.

Полустихийный разрыв стачек, приводящих к жертвам и поражениям, или заканчивающихся в ничью, является совершенно неизбежным этапом революции, периодом пробуждения масс, их мобилизации и введения в бой. В движении ведь принимают участие не сливки рабочих, а вся масса их. Бастуют заводские рабочие, но также и ремесленные, шоферы и пекари, строительные рабочие, ирригационные и, наконец,

сельскохозяйственные. Ветераны разминают члены, новобранцы учатся. Через посредство этих стачек класс начинает чувствовать себя классом.

Однако, то, что составляет на данном этапе силу движения - его стихийность - может в дальнейшем стать источником его слабости. Допустить, что движение и впредь окажется предоставленным самому себе, без ясной программы, без собственного руководства, значило бы допустить перспективу безнадежности. Вопрос идет ведь не о чем ином, как о завоевании власти. Даже самые бурные стачки - тем более разрозненные, - этой задачи не разрешают. Если бы пролетариат в процессе борьбы не почувствовал уже в ближайшие месяцы, что его задачи и методы уясняются ему самому, что его ряды сплачиваются и крепнут, то в его собственной среде неизбежно начался бы распад. Широкие слои, впервые поднятые нынешним движением, впали бы снова в пассивность. В авангарде, по мере того, как почва ускользала бы у него из-под ног, начали бы возрождаться настроения партизанских действий, авантюризма вообще. Ни крестьянство, ни городская беднота не нашли бы в этом случае авторитетного руководства. Пробужденные надежды перешли бы скоро в разочарование и в ожесточение. В Испании создалась бы обстановка, воспроизводящая в известной мере обстановку Италии после осени 1920 года. Если диктатура Примо-де-Ривера была не фашистской, а типично испанской диктатурой военной клики, опирающейся на определенные части имущих классов, то при указанных выше условиях - пассивности и выжидательности революционной партии и стихийности движения масс, - в Испании мог бы получить почву подлинный фашизм. Крупная буржуазия могла бы овладеть выведенными из равновесия, разочарованными и отчаявшимися мелкобуржуазными массами и направить их возмущение против пролетариата. Разумеется, сегодня до этого еще далеко. Но времени терять нельзя.

Если даже допустить на минуту, что революционное движение, руководимое левым крылом буржуазии, - офицерами, студентами, республиканцами, - может привести к победе, то бесплодие этой победы оказалось бы в последнем счете равносильно поражению. Испанские республиканцы, как уже сказано, полностью остаются на почве нынешних имущественных отношений. От них нельзя ждать ни экспроприации крупного землевладения, ни ликвидации привилегированного положения католической церкви, ни радикальной чистки авгиевых конюшен штатской и военной бюрократии. Монархическую камарилью сменила бы попросту республиканская камарилья, и мы имели бы новое издание кратковременной и бесплодной республики 1873-1874 г.г.

Тот факт, что социалистические вожди тянутся в хвосте республиканских - вполне в порядке вещей. Вчера социал-демократия примыкала правым плечом к диктатуре Примо-де-Ривера. Сегодня она примыкает левым плечом к республиканцам. Высшей задачей социалистов, у которых нет и не может быть собственной политики, является участие в солидном буржуазном правительстве. На этом условии они, на худой конец, не отказались бы примириться и с монархией.

Но правое крыло анархо-синдикалистов несколько не застраховано от того же пути: декабрьские события являются в этом отношении большим уроком и суровым предостережением.

Национальная Конфедерация Труда сосредоточивает вокруг себя, бесспорно, наиболее боевые элементы пролетариата. Отбор здесь происходил в течение ряда лет. Укреплять эту конфедерацию, превращать ее в подлинную организацию масс есть прямая обязанность каждого передового рабочего и прежде всего коммуниста. Этому можно содействовать также и работой внутри реформистских синдикатов, неутомимо разоблачая измены их вождей и призывая рабочих сплачиваться в рамках единой синдикальной конфедерации. Условия революции будут чрезвычайно содействовать такого рода работе.

Но в то же время мы не можем себе делать никаких иллюзий относительно судьбы анархо-синдикализма, как доктрины и революционного метода. Отсутствием революционной программы и непониманием роли партии анархо-синдикализм разоружает пролетариат. Анархисты "отрицают" политику до тех пор, пока она не берет их за горло: тогда они очищают место для политики враждебного класса. Так было в декабре!

Если бы социалистическая партия приобрела во время революции руководящее положение в пролетариате, она способна была бы только на одно: передать завоеванную революцией власть в дырявые руки республиканского крыла, из которых власть автоматически перешла бы затем к ее нынешним носителям. Великие роды закончились бы выкидышем.

Что касается анархо-синдикалистов, то они могли бы оказаться во главе революции, только отказавшись от своих анархических предрассудков. Наша обязанность им в этом помочь. В действительности, надо полагать, часть синдикалистских вождей перейдет к социалистам или будет революцией отброшена в сторону; настоящие революционеры будут с нами; массы же примкнут к коммунистам, как и большинство социалистических рабочих.

Преимущество революционных ситуаций в том и состоит, что массы быстро учатся. Эволюция масс будет неизбежно вызывать расслоения и расколы не только среди социалистов, но и среди синдикалистов. Практические соглашения с революционными синдикалистами неизбежны в ходе революции. Эти соглашения мы будем лояльно выполнять. Но было бы поистине губительным вносить в эти соглашения элементы двусмысленности, умолчания, фальши. Даже в те дни и часы, когда коммунистическим рабочим приходится драться бок-о-бок с рабочими синдикалистами, нельзя уничтожать принципиальной перегородки, замалчивать разногласия или ослаблять критику ложной принципиальной позиции союзника. Только при этом условии поступательное развитие революции будет обеспечено.

6. Революционная хунта и партия

В какой мере сам пролетариат стремится к объединенным действиям, свидетельствует день 15 декабря, когда рабочие поднялись одновременно не только в крупных городах, но и во второстепенных поселениях. Они воспользовались сигналом республиканцев, потому что у них нет достаточно громкого собственного сигнальщика. Поражение движения не вызвало, по-видимому, и тени упадка. Масса воспринимает собственные выступления, как опыты, как школу, как подготовку. Это в высшей степени выразительная черта революционного подъема.

Чтоб выйти на большую дорогу, пролетариату уже сейчас необходима организация, возвышающаяся над всеми нынешними политическими, национальными, провинциальными и профессиональными делениями в рядах пролетариата, и соответствующая размаху нынешней революционной борьбы. Такой организацией, демократически избранной рабочими заводов, фабрик, шахт, торговых предприятий, железнодорожного и морского транспорта, пролетариями городов и деревень, может быть только совет. Эпигоны причинили неизмеримый вред революционному движению во всем мире, утвердив во многих умах предрассудок, будто советы создаются только для нужд вооруженного восстания и не иначе, как накануне его. На самом деле советы создаются тогда, когда революционное движение рабочих масс, хотя бы еще далекое от вооруженного восстания, порождает потребность в широкой авторитетной организации, способной руководить экономическими и политическими боями, охватывающими одновременно разные предприятия и разные профессии. Только при том условии, если советы, в течение подготовительного периода революции внедряются в рабочий класс, они окажутся способны играть руководящую роль в момент непосредственной борьбы за власть. Правда, слово "советы" получило теперь, после тринадцатилетнего существования советского режима, в значительной мере иной смысл, чем оно имело в 1905 или в начале 1917 года, когда советы

возникали не как органы власти, а лишь как боевые организации рабочего класса. Слово хунта, тесно связанное со всей испанской революционной историей, как нельзя лучше выражает ту же мысль. В порядок дня в Испании стоит создание рабочих хунт.

При нынешнем состоянии пролетариата строительство хунт предполагает участие в них коммунистов, анархо-синдикалистов, социал-демократов и беспартийных вожakov стачечной борьбы. В какой мере можно рассчитывать на участие анархо-синдикалистов и социал-демократов в советах? Этого со стороны предсказать нельзя. Размах движения заставит несомненно многих синдикалистов, а может быть и часть социалистов пойти дальше, чем они хотят, если коммунисты сумеют с необходимой энергией поставить проблему рабочих хунт.

При наличии напора масс практические вопросы строительства советов, нормы представительства, время и способ выборов и пр. могут и должны стать предметом соглашения не только всех коммунистических фракций между собою, но и с теми синдикалистами и социалистами, которые пойдут на создание хунт. Разумеется, коммунисты выступают на всех этапах борьбы со своим развернутым знаменем.

Вопреки новейшей теории сталинизма, крестьянские хунты, как выборные организации, вряд ли возникнут, по крайней мере в значительном числе, до захвата власти пролетариатом. В подготовительный период в деревне будут скорее развиваться иные формы организации, основанные не на выборности, а на личном отборе: крестьянские союзы, комитеты деревенской бедноты, коммунистические ячейки, профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих и проч. Пропаганда лозунга крестьянских хунт на основе революционной аграрной программы, уже сейчас, однако, может быть поставлена в порядок дня.

Очень важна правильная постановка вопроса о солдатских хунтах. По самому характеру военной организации, солдатские советы могут возникнуть лишь в последний период революционного кризиса, когда государственная власть теряет контроль над армией. В подготовительный период дело идет об организациях замкнутого характера, о группах революционных солдат, о ячейках партии, во многих случаях о личных связях рабочих с отдельными солдатами.

Республиканское восстание в декабре 1930 года, будет, несомненно, записано в историю, как рубеж между двумя эпохами революционной борьбы. Правда, левое крыло республиканцев установило связь с вождями рабочих организаций, чтоб добиться единства выступления. Безоружные рабочие должны были играть роль хора при корифеях-республиканцах. Цель эта была осуществлена - настолько, чтоб раз навсегда обнаружить несовместимость офицерского заговора с революционной стачкой. Против военного заговора, противопоставившего один род оружия другому, правительство нашло достаточные силы внутри самой армии. А стачка, лишённая самостоятельной цели и собственного руководства, должна была сойти на нет, как только военное восстание оказалось подавленным.

Революционная роль армии, не как орудия офицерских экспериментов, а как вооруженной части народа, определится в последнем счете ролью рабочих и крестьянских масс в ходе борьбы. Чтобы революционная стачка могла одержать победу, она должна довести дело до очной ставки рабочих с армией. Как ни важны чисто военные элементы такого столкновения, но политика в нем превышает. Завоевать солдатскую массу армии можно только ясной постановкой социальных задач переворота. Но именно социальные задачи пугают офицерство. Естественно, если пролетарские революционеры центр внимания уже сейчас переносят на солдат, создавая в полках ячейки сознательных и отважных революционеров. Коммунистическая работа в армии, политически подчиненная работе среди пролетариата и крестьянства, может развертываться только на основе ясной

программы. Когда же наступит решающий момент, рабочие должны массовидностью и силой своего наступления увлечь большую часть армии на сторону народа или, по крайней мере, нейтрализовать ее. Эта широкая революционная постановка вопроса не исключает военного "заговора" передовых солдат и сочувствующих пролетарской революции офицеров в период, непосредственно предшествующий всеобщей стачке и восстанию. Но такого рода "заговор" не имеет ничего общего с пронунциаменто: задача его имеет служебный характер и состоит в том, чтоб обеспечить победу пролетарского восстания.

Для успешного разрешения всех этих задач нужны три условия: партия; снова партия; еще раз партия.

Как сложатся отношения разных нынешних коммунистических организаций и групп, и какова окажется их судьба в дальнейшем, об этом трудно судить со стороны. Опыт покажет. Большие события безошибочно проверяют идеи, организации и людей. Если руководство Коминтерна окажется неспособным предложить испанским рабочим ничего, кроме ложной политики, аппаратной команды и раскола, то действительная коммунистическая партия Испании сложится и закалится вне официальных рамок Коммунистического Интернационала. Так или иначе, но партия должна быть создана. Она должна быть единой и централизованной.

Рабочий класс ни в каком случае не может строить свою политическую организацию на началах федерации. Коммунистическая партия - не прообраз будущего государственного строя Испании, а стальной рычаг для низвержения существующего строя. Она не может быть организована иначе, как на принципах демократического централизма.

Пролетарская хунта станет той широкой ареной, на которой каждая партия и каждая группа подвергнутся испытанию и проверке на глазах широких масс. Лозунг единого фронта рабочих будет коммунистами противопоставлен практике коалиции социалистов и части синдикалистов с буржуазией. Только единый революционный фронт сделает пролетариат способным внушить к себе необходимое доверие угнетенных масс деревни и города. Осуществление единого фронта мыслимо только под знаменем коммунизма. Хунта нуждается в руководящей партии. Без твердого руководства она осталась бы пустой организационной формой и неизбежно попала бы в зависимость от буржуазии.

На испанских коммунистов ложатся, таким образом, грандиозные исторические задачи. Передовые рабочие всех стран будут со страстным вниманием следить за ходом великой революционной драмы, которая днем раньше или позже потребует от них не только сочувствия, но и содействия. Будем готовы!

Л. Троцкий.

24 января 1931 года. Принкипо.

Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев)

№ 19.
